

Кирилл ЯМЩИКОВ

ПОЕДАНИЕ ДИКОГО КАБАНА:
НАГЛЯДНОАнтон Секисов. Комната Вагинова. –
М.: Букмейт, 2023.

«Петербургский текст» Антона Секисова начинается с комнаты – и комнатой же заканчивается. Вероятно, образа полновесней наша литература ещё не придумала. Откровение водопроводного крана; литания керамической плитки. Что живого в мебели? Начиная с Достоевского и его гробовидных метафор, заканчивая Кржижановским и таинственной мазью «Квадратурина», пространства лучше так и не было придумано.

Игровой потенциал, очерчиваемый Комнатой, беспределен. В ней легче поселиться кошмару. В ней, пыльной, исчахшей мышатами и их маршрутами, больше тайн, чем во всём наружном мире. Понимая это – и ступая следом за известными фамилиями, – Секисов написал образцово петербургский текст. Точнее, аудиосериал.

Рассказывается здесь, с одной стороны, камерная гротесковская байка в духе «Неглубокой могилы» Дэни Бойла или «Тихой семьи» Ким Чжи Уна, но рассказывается она до того последовательно, мастерски, без оглядки на устоявшиеся каноны нарратива, что кажется несколько больше своего же замысла. Хваткая экспозиция: есть человек, пленённый в доме, и есть дом – ничего об этом не подозревающий.

Основное внимание стягивает на себя, однако, не факт плена, а факт исследования – неудачливый писатель Сеня работает над книгой о забытом (едва ли теперь это так) писателе Вагинове. В процессе работы раскрываются не только карнавалльно-паническое прошлое самого Сени, но и нарочитая природа его соседей, всех, как один, похожих на героев «Козлиной песни» или «Гарпагоонианы».

Это мир патологического накопительства – страхов, привязанностей, перверсий, всех колких деталей бытия, из которых, как прави-

ло, и составляется время. Анамнез изгойства у Секисова не отдаёт нафталином или, чего хуже, постиронией: ему в самом деле милы юроды многоквартирного дома. Сеня – до одури симпатичен: готовый персонаж. Живой, бесшабашно скромный.

«С тех пор, даже плескаясь в ванне с пеной, Сеня не чувствовал себя в безопасности. Казалось, в любой момент до кожи дотронется нечто холодное и он увидит толстое щупальце. Мгновенно обвив ногу, оно утащит его куда-то вниз, туда, где все водоёмы сходятся. То же относилось и к раковине, унитазу, луже после дождя. С годами страх притупился и уже давно не напоминал о себе – до этого случая на кухне коммунальной квартиры».

«Случаев» тут взаправду много – это низка серебра, холодного и безобразного ужаса. Всё пугающее у Секисова обыденно, выхвачено из сумрака с брезгливостью привыкания; всё родное, симпатичное – ярко ровно настолько, насколько ярка лампочка Ильича, которой заменяешь её старую, мёртвую, уже ничего не освещающую двойницу.

«Всё, что совершается в Петербурге, происходит как будто не по-настоящему, как во сне», – признаётся Сергачев, один из местных элементарей. Признание это ровным счётом ничего не значит; монета в копилку контекста. Иногда возделываемая Секисовым цивилизация стиля отбрасывает прочь его же своеобычие, его же – голос, оскорблением для которого будет *сравнение-с*, отождествление или провокация: это не Крусанов, не Носов, не Вагинов.

«– Это из классификации смертей в кабале – называется “Смерть идиота”. Смерть от упавшего кирпича, сосули, куска фасада, балкона или, например, смерть на поломанном аттракционе, смерть в шахте лифта, когда оборвался трос, смерть от удара током – короче, от случайного фактора. Доказано, что ни один великий человек не погиб смертью номер семьдесят два.

– Поэт Александр Галич умер от удара током в Париже. Он включал телевизор в розетку, – сразу же вспоминает Сеня.

– Галич? Первый раз слышу эту фамилию, – пожимает плечами Артем».

Первый раз мы слышим и фамилию Вагинова – идола-менгира здешней сюжетной обязательности. Первый, потому что отбрасываем тень пристрастия, исторического соответствия – да, жил такой человек, изучал древнегреческий, писал странные, ни на что не похожие книги, – и вглядываемся в плоды его «странностей», хрестоматийное влияние.

Только сейчас – в том числе благодаря Секисову – становится ясно, насколько сильно русская литература этому человеку обязана. Целеполагание формы и содержания, утерянное в ворохе катаклизмов, в жизни после Февраля, когда любой взгляд – кроме взгляда на правду – бесполезен и вредоносен, снова возвращает нас в комнату без дверей и окон, где, кажется, и время не сдвигается с мёртвой точки, и самой мёртвой точки не существует.

Запереться, растеряться, забыться; новейшая русская литература стремительно возвращается в комнату. «Свидетельства обитания» Дениса Безносова, ставшие неотъемлемой частью модернистского вопля – по следам оставшейся там, в другой жизни, культуры; «Приехал в город (Ким Ки Дук)» Леонида Александровского – одиночная трагедия черепного театра; «Lakinsk Project» Дмитрия Гаричева, ближайшего, как мне представляется, к Секисову автора; всё это теперь живёт автономным ритуалом запираания, обращением вовнутрь, а не наружу.

«Социальные сети заполнились постановочными роликами, на которых люди в вельветовых костюмах не по размеру читают стихи, пока рядом с ними происходит нечто кошмарное. Они декламируют верлибр о стирке на фоне горящих домов и машин, на фоне людей, истекающих кровью, тонущих или залезающих в петлю. На забойных конвейерах и операционных столах, в окопах, стоя в разрытых могилах, пока их забрасывают землей».

Кажется, наиболее точной выборкой стиля, сожета здесь остаётся следующая параллель: Сеня, пишущий книгу о Вагинове, и Нина, запертая в соседней комнате. Они не знают о су-

ществовании друг друга – но питаются разлитой в воздухе каденцией, наэлектризованным отчаянием (будто и писать тщетно, и не знать чужого горя тоже).

Сеня – что-то последнее, неумолимо устаревающее; ветви литературного дерева, питающиеся скорбным бесчувствием. Нина, в свою очередь, не только преодолевает ужас – всамделишный, конкретный! – но и возвращается к правде жизни, уходит из комнаты за новым смыслом: *преподаваем*. Её финал написан с авансом – который Секисов будто бы не хочет, но вынужден дать действительности.

Остаётся «комната Вагинова», лишённая топографической честности, и ушедший в неё Сеня, склонность к гуманитарности которого «стала восприниматься семьёй как досадная, но безобидная патология». Ключ в замке провёрнут; конфидентом – глухая тишь. Не хочется, чтобы новейшая русская литература, так жалостливо себя пересобирающая, осталась в комнате навсегда – и выросла в стены, забыв о собственных очертаниях; ведь есть смыслы, есть правда, которая больно бьёт, но исцеляет и учит.

Принимаясь за эксперимент отчётливой необязательности, Антон Секисов написал диффузионное сегодня: жизнь, в которой антиквариат подменяет смелость, в которой писатель Вагинов – чудо, фантазм литературы, – становится не только актуальным (sic!), но и обязательным к прочтению. Мир, дробящийся на Тепёлкиных, Свистоновых, Жулонбиных, хочет выпить пыли и захлебнуться; правда не позволяет миру этого сделать.

Вне сути, конечно, это по-прежнему «петербургский текст» и ловкая стилизация – хорошая книга, которая была бы уместна и до февраля, и вовсе без него. Ключевые метафоры сохранены, лишены назидательной уместности; в конце концов, тут бывает смешно и даже уморительно. Антон Секисов – по-гоголевски болезненный комедиант, и в смехе его столько живого, афористично первобытного, сколько не найти в кисельных плачах разобщённой и утерявшей себя литературы. Быть может, так и надо? Быть может, стоит хотя бы раз забыть о комнате – и вспомнить о том, что ей предшествует?